

Сергей Саканский
AVE MEDIA

**ГУДВИН, ВЕЛИКИЙ
И УЖАСНЫЙ**

*Тайна рыжей цветочницы
Сван, который вернулся
Гудвин, великий и ужасный*

Ave Media

Сергей Саканский

Гудвин, великий и ужасный

«Автор»

2008

Саканский С. Ю.

Гудвин, великий и ужасный / С. Ю. Саканский — «Автор»,
2008 — (Ave Media)

В этой книге собраны авемедийные произведения исключительно из литературного ряда. Это и история о скромном цирковом служащем Гудвине, который в течение нескольких лет был безраздельным диктатором Изумрудного города, и очередное блестящее расследование Шерлока Холмса, в ходе которого он демонстрирует искусство дедукции своим молодым коллегам, а также встреча через тридцать лет Малыша и Карлсона, значительно потрепанных жизнью, как и сама крыша, где происходит это историческое событие. Все события и персонажи серии вымышлены и любые совпадения с реальностью случайны.

© Саканский С. Ю., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Тайна рыжей цветочницы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сергей Саканский

Гудвин, великий и ужасный

Тайна рыжей цветочницы

*Хорошее стекло в трактире епископа на чертовом стуле – двадцать один градус и тринадцать минут северо-северо-восток главный сук седьмая ветвь восточная сторона – стреляй из левого глаза мертвой головы – прямая от дерева через выстрел на пятьдесят футов.
Эдгар По, «Золотой жук»*

– Итак, дорогой друг, наступает традиционный момент, характерный для окончания любого моего расследования. Я закурываю свою любимую вересковую трубку и рассказываю вам все с самого начала. Удобно ли вы устроились, Ватсон? Не замерзли?

– Отнюдь, – сказал доктор Ватсон простуженным голосом. – Я весьма внимательно вас слушаю.

Два старика сидели в креслах у камина, укрытые одинаковыми клетчатými пледами. Хрипло потрескивали ольховые поленья, тихо пощелкивала трубка Холмса, дождь в качестве аккомпанемента барабанил о стекло.

– Любое преступление, – проговорил Холмс, глубоко затянувшись, – подобно симптому болезни. Анализ симптомов позволяет произвести диагностику в целом, как вам хорошо известно из вашей недолгой врачебной практики. Изучая историю криминалистики, можно сделать вывод, что человеческое общество давно и неизлечимо больно. Прогресс – есть одна из многочисленных иллюзий самообмана. Ведь даже тяжело больной человек может с каждым годом все лучше одеваться, покупать дорогие вещи и так далее. Мне приходилось бывать на раскопках в Малой Азии. Общий вид культурного слоя толщиной в шестьдесят футов производит удручающее впечатление. Культурный слой – это, грубо говоря, огромная мусорная яма времени. На самом ее дне, в троянских отложениях покоятся черепки удивительных расписных сосудов, каждый из которых был настоящим произведением искусства. Наверху же – современные банки и склянки. У этой стены трудно рассуждать о прогрессе человечества. Ничем иным, как постоянным падением, нельзя объяснить и другие хорошо известные вещи, например, извечный конфликт между отцами и детьми. То же касается и моего поприща – криминалистики. Давайте рассмотрим шаг за шагом наше последнее расследование. Помните, как все началось?

– Разумеется, – сказал Ватсон. – Ваши удивительные способности всегда восхищали меня.

– Ах, оставьте свои комплименты! Месяц назад, когда все это началось, я был в таком же тупике, что и Скотланд-Ярд. Девятнадцать убийств на улицах Лондона, совершенных всего за двое суток, причем, середь бела дня! Одним и тем же способом – удар в затылок тупым тяжелым предметом. Никаких признаков ограбления. Никаких следов убийцы. Тут есть над чем поломать голову, извините за грубый каламбур...

Холмс закурил чубук своей трубки, с намерением глубоко затянуться, но трубка погасла. Он взял с мраморного столика коробок спичек, потрянул им в воздухе и с досадой зашвырнул в камин.

– Миссис Хадсон! – позвал он. – Не будете ли вы столь любезны, чтобы принести мне спички?

– О да! – сказал Ватсон. – Я никогда бы не придумал ничего подобного.

Холмс внимательно посмотрел на него.

– Да уж чего тут думать... Эти семечки не только скворчат в моей любимой вересковой трубке, но и постоянно тушат ее.

Вошла экономка, трясая на серебряном подносике коробок спичек. Холмс сухо поблагодарил ее и легонько шлепнул по задку.

– Ну и шуточки у вас, мистер Холмс! – сказала она, похлопывая подносыком о бедро.

Она прошла в соседнюю комнату и присела на край стула. В крошечной гостиной, характерной для этого небогатого дома на Бейкер-стрит, уютно сидел молодой человек, невысокий и плотный. Он грыз миндальное печенье и пристально смотрел в дверной проем, где был хорошо виден камин и по обеим его сторонам – два старика в креслах.

– Почему мистер Холмс называет вас «миссис Хадсон»? – спросил он.

– Так звали прежнюю экономку, которая умерла несколько лет назад. Он хочет, чтобы все было по-старому, особенно, если курит свою трубку.

– Кое-что странное сразу бросилось мне в глаза, – продолжал Холмс, и голос его был хорошо слышен в гостиной. – Я имею в виду способ убийства, этот удар... Во всех случаях, удар был, во-первых, один, во-вторых, нанесен сзади, в-третьих – что самое непостижимое – удар был настолько чудовищный, что убийцей мог быть только человек огромной физической силы, человек, которых в Лондоне можно по пальцам пересчитать. С этого конца и начал свое расследование инспектор Лестрейд.

Были проверены все находящиеся в городе силачи: цирковые борцы, угольщики, металлурги ядер и тому подобное. Констебли задерживали всех прохожих подозрительно крупного телосложения. Однако, эти усилия не дали никаких результатов.

Второй путь – поиск связей между жертвами. Поскольку мотив преступления неясен, можно было подумать, что жертвы либо замешены в какой-то тайной организации, либо явились свидетелями некоего вопиющего криминального события.

Скотланд-Ярд тщательно проследил биографии всех девятнадцати жертв, прямо-таки с их рождения на свет. Среди них был один мелкий банкир, два студента, католический священник, два молодых офицера, четверо слуг, четыре служанки, трое рассыльных, один телеграфист и один портень. Что-то странное сразу бросается в глаза в этом списке, не правда ли, Ватсон?

– О да! – прохрипел доктор. – Удивительно!

– То-то и оно. Правда, вряд ли вы сможете сказать, что именно. То же и наша прославленная полиция. Все эти люди, кроме двоих, не были даже знакомы между собой. Я имею в виду офицеров, которые служили в одном полку и ухаживали за одной и той же дамой. Полиция сразу уцепилась за этот ложный след и ухлопала два дня. А я скажу другое: эти люди и не должны были знать друг друга. Лестрейд просмотрел главное. Большинство жертв из списка были ничем иным, как служащими, именно – курьерами. А курьеры, дорогой друг, часто что-то носят с собой... Миссис Хадсон! Лапушка... Будьте добры, приготовьте мне пожалуйста еще одну трубку. Только прошу вас, пробейте хорошенько, а то спасу нет от этих семечек.

Держась на почтительном расстоянии от старика, экономка приняла из его рук длинную трубку, протянутую мундштуком вперед, и вернулась в гостиную. Она отделила чубук от мундштука, устроила его в специальном зажиме и принялась готовить курительную смесь. Сняв с деревянного крючка крупное сито, бросила в него пучок сухой травы. Словно Гингема в ее юные годы, она принялась растирать траву круговыми пассами. Гость с интересом наблюдал за ее работой.

– Простите, мисс Марпл, – деликатным голосом проговорил он, – разве то, что вы делаете, не противозаконно?

– Почему это вас так интересует, мистер? Вы что – служите в полиции?

– Никоим образом, леди. Но я учусь на юриста. Если бы вы совершили на моих глазах, скажем, убийство, то в каком бы положении оказался я? В положении соучастника. Следовательно, если с помощью наркотиков вы совершаете медленное убийство этого господина, то...

– Допустим, в его положении убийством было бы *не давать* ему наркотиков. Мистер Холмс употреблял кокаин в течение десяти лет. Ему удалось сойти с этого зелья путем перехода на опиум, с которого, в свою очередь, мистер Холмс слезает с помощью марихуаны.

– А что будет потом?

– Вероятно, виски.

– А дальше?

– Дальше ничего не будет, сэр.

Номер «Таймс», развернутый на столе, стал быстро покрываться слоем зеленого порошка.

– Это марихуана? – спросил гость.

– Нет, лопух.

– Вы хотите сказать, что обманываете своего хозяина, вместо губительного зелья подсовывая ему безобидную траву? О, теперь я начинаю вас понимать!

– Ничего вы не начинаете. Я произнесла не – *нет, лопух* – с многоточием, а – *нет, лопух* – с точкой. Слово относилось к вашей персоне. Потому что вы не следите за беседой и задаете глупые вопросы. О, мой шеф любит сложные коктейли! Я добавляю несколько листьев яга, щепотку молотого кофе и немного птичьего гуано с Багамских островов.

– Что ж! Это любопытно... Но ради всего святого, мисс Марпл! Я пришел сюда, чтобы встретиться с величайшим детективом в истории человечества, и что же в итоге? Лично к нему вы меня не допускаете, и все, что я вижу – почти неподвижный старик, который наркотически бредит перед этой еще более неподвижной куклой Ватсоном.

– Должна вам сказать, что вы недалеко от истины, когда употребляете слово *кукла*, сэр. Мистер Холмс разменял восьмой десяток и давно оставил следственную практику. Он сейчас пишет книги по криминалистике: детективные рассказы, воспоминания... Он сочинил серию рассказов, опубликовав их под нарочито смешным, вымышленным именем. Этот писатель – одна из многочисленных мистификаций мистера Холмса, причем, мистификация двойная: рассказы-то написаны якобы от лица доктора Ватсона... Впрочем, мистер Холмс не пишет, а наговаривает. Вы как раз и присутствуете при таком сеансе звукозаписи.

– Почему же я не вижу фонографа?

– Фонограф спрятан. По замыслу мистера Холмса, даже он сам не должен его видеть. Он хочет забыть о том, что ведется запись. Я ее расшифровываю и даю ему для редактирования. Иногда мистер Холмс думает, что все это пишу я сама.

– И где же спрятан фонограф?

– А вы догадайтесь.

Мисс Марпл собрала набитую трубку и, удалившись в кабинет, вручила ее Холмсу, который до сих пор пребывал в задумчивости, может быть, даже спал, но, закулив, сразу же и заговорил:

– Итак, Ватсон, два дня – суббота и воскресенье. В понедельник все стихло. У полиции создалось впечатление, что убийца затаился, поскольку улицы стали усиленно охраняться. Но не прошло и недели, как все повторилось. Снова два дня – суббота и воскресенье. На сей раз – двадцать четыре трупа! И теперь полиция, похоже, напала на след. Сличая показания людей, оказавшихся поблизости, Лестрейд заметил, что в целых трех случаях упоминается одна и та же особа, а именно: девушка цветочница, которую свидетели видели неподалеку от мест преступлений. Знаете, такие юные соблазнительные девушки на грузовых велосипедах, с огромной корзиной цветов?

– О да! – воскликнул Ватсон. – Это просто нечто эксклюзивное.

– Эксклюзивное? Что-то не припомню подобного слова. Впрочем, не важно... Девушку нашли, задержали и подвергли допросу. Было ясно, что она каким-то образом связана с преступлениями. Кстати, она работала именно по субботам и воскресеньям, когда цветы пользуются особым спросом... Сама она, тщедушное слабое создание, разумеется, не способна нанести удар такой чудовищной силы. Может быть, некто сильный и ловкий ходит по Лондону, засунув руки в карманы, а девушка просто возит оружие убийства, пряча его среди цветов? Пусть так, но каков мотив? Ведь новые жертвы также не были ограблены, и по-прежнему на мостовой не осталось никаких следов, кроме отпечатков шин велосипеда. Во всяком случае, девушку отпустили за недостатком улик. Версия маньяка отпадает: у маньяка не может быть сообщника. Разве реальна такая девушка-цветочница, вполне вменяемая, которая возит по городу оружие маньяка? Не правда ли, доктор?

– О да! – воскликнул Ватсон. – Это просто нечто эксклюзивное.

– Что вы сказали? – нахмурился Холмс.

– О да! – повторил доктор. – Это просто нечто эксклюзивное.

– Мисс Марпл! – крикнул Холмс в дверной проем. – Вернее, как вас там? Миссис Хадсон! Что случилось с нашим дорогим другом Ватсоном? Кажется, его необходимо срочно прооперировать.

Экономка взяла со стола большой разделочный нож, назначение которого до сих пор было не ясно гостю, и подошла к Ватсону. Вставив нож в грудь доктора, она поддела в нем какой-то орган, и в Ватсоне открылась крышка. Мисс Марпл склонилась над овальным отверстием и что-то покрутила внутри.

Доктор Ватсон поднял и отпустил обе руки и скрипучим голосом проговорил:

– Потрясающе! Умопомрачительная логика.

– Теперь вы все знаете, – сказала экономка, вернувшись в гостиную. – Доктор Ватсон, действительно – всего лишь механическая кукла. Трудно представить, что оба собутыльника могли дожить до столь преклонных лет.

– Но зачем?

– Вы не догадываетесь? Мистеру Холмсу необходим образ слушателя. Он так привык к этому завершающему этапу своего расследования, что первое время после смерти Ватсона у него вообще ничего не получалось. Вот и возникла идея сделать примитивного робота.

– Робота? Я не понимаю этого слова.

– Это слово придумал сам мистер Холмс. Оно обозначает... Ну, именно то, что вы видите. Мы заказали его у мадам Тиссэ. Внутренности исполнила фирма Эдисон и Ко. Все это стоило 650 фунтов. Нехитрый механизм подымает и опускает руки. Внутри находятся два фонографа, пишущий и воспроизводящий. Только и всего.

– Но каким образом? Почему Ватсон вставляет реплики вовремя?

– О, пустяки... Как вы хорошо знаете, в английском языке вопросительная интонация сопровождается повышением голоса... Впрочем, нет, вы не хорошо об этом знаете, судя по вашему акценту.

– Все в порядке, мадемуазель. Я уже понял. При повышении голоса мембрана колеблется с большей амплитудой. Длинное плечо рычага отклоняется, замыкает контакт, и...

– Кстати, ваш акцент... Вы явно с континента, но я бы не сказала, что вы француз.

– Я бельгиец, мэм. Изучаю право в Оксфорде. Хочу стать адвокатом. Но теперь... Я имею в виду сегодняшний вечер. У меня возникают сомнения по поводу моей будущей специальности.

– Вот как?

– Я бы хотел стать частным детективом, как мосье Холмс. В принципе, это весьма просто: достаточно лишь найти себе внимательного слушателя.

– Что ж, когда мистер Холмс... Вы сами понимаете... Когда-нибудь я смогу продать вам куклу доктора Ватсона, а цена вам известна...

– Прошу прощения, мисс Марпл, но ведь сам Холмс тоже знает, что перед ним кукла! Так как же он...

– Это сложный вопрос. С одной стороны, он же и наговорил на фонограф ее реплики, принимал участие в ее создании, с другой, когда он впадает в наркотический транс... Как вы думаете? Отдает ли он себе отчет в чем бы то ни было вообще?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.